

ЛОРЕТТА
ЦЕЙЗ

*Герцоги
предпочитают
блондинок*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ч-36

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Loretta Chase
DUKES PREFER BLONDES

Перевод с английского *Н. Холмогоровой*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Nancy Yost Literary Agency
и The Van Lear Agency.

Чейз, Лоретта.

Ч-36 Герцоги предпочитают блондинок : [роман] / Лоретта Чейз. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-187035-5

Леди Клара Фэрфакс, завидная невеста сезона, отвергая одно предложение руки и сердца за другим, страдает от того, что не занята в своей жизни ничем полезным. Узнав о том, что ребенок попал в беду, тут же бросается на его спасение и обращается за помощью к простому адвокату...

Оливер «Ворон» Рэдфорд, известный своими блестящими выступлениями в суде и пренебрежением к светскому обществу, по иронии судьбы оказывается в очереди на наследование герцогского титула. Помощь прекрасной леди Кларе совершенно не входила в его планы, пока она каким-то чудесным образом не сумела его переубедить.

Что может быть общего у таких разных людей? И смогут ли они, руководствуясь здравым смыслом, побороть взаимное влечение?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-187035-5

© Loretta Chekani, 2016
© Перевод. Н. Холмогорова, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

*В память об Оуэне,
чьи знания и любовь к искусству и архитектуре обогатили
наши путешествия по Англии и другим странам,
а острый ум, великодушие и душевное тепло обогатили
нашу жизнь*

Муза, Улисса воспой, многоумного мужа,
Хитростью славного...
«Одиссея» Гомера в переводе
Уильяма Каупера*, 1791 год

Пролог

*Итонский колледж
Осень 1817 года*

Прежде всего, он был невыносим.

В этом школьные товарищи Оливера Рэдфорда убедились уже через день-другой после его прибытия.

И ненамного больше времени понадобилось, чтобы наградить его прозвищем Ворон, хотя причины этого были не столь очевидны. Быть может, ребят вдохновили густые черные волосы и пронзительные серые глаза Оливера или низкий хрипловатый голос, больше подходящий взрослому мужчине, чем десятилетнему мальчишке. А может, нос внушительных размеров, хоть и не настолько похожий на клюв, как многие иные носы.

Однако упомянутым носом Оливер постоянно тыкал в книгу, и кто-то из мальчишек — собственно говоря, один из его кузенов с отцовской стороны — объявил, что юный Рэдфорд с книжкой напоминает ему ворона, клюющего чьи-то внутренности.

Этот кузен забыл упомянуть или, возможно, просто не знал (сообразительностью и наблюдательностью он не отличался), что вороны на фоне прочих птиц выделяются

---

* В классических русских переводах В. Жуковского и В. Вересаева нет важного здесь акцента на уме и хитрости, поэтому я даю собственный перевод. — *Здесь и далее примеч. пер.*

умом. Совсем как Оливер Рэдфорд на фоне прочих мальчиков. Именно по этой причине он решительно предпочитал книги обществу школьных товарищей.

Особенно своих неимоверно тупых кузенов.

Сейчас юный Рэдфорд стоял, прислонившись к стене, на краю спортивного поля, вдали от остальных, разделившихся на две команды для игры в крикет. Увильнуть от игры, закаляющей характер, ему не удалось; однако играть он хотел не больше, чем прочие хотели видеть его в своих командах, так что он отошел подальше и уткнул нос в «Одиссею» Гомера.

Тень накрыла Оливера; на страницу греческого текста легла жирная рука с грязными ногтями. Оливер не поднял головы. Как и его отец, он отличался наблюдательностью; впрочем, хозяина руки было нетрудно узнать.

— А вот и он, джентльмены! — объявил кузен Бернард. — Малыш Ворон, отпрыск трудящейся ветви нашего семейства!

Слово «трудящийся» было призвано унижить отца Оливера. Поскольку все наследство в аристократических семьях получал старший сын, младшие и их потомство принуждены были искать себе богатых жен и (или) избирать «дворянские» профессии: делать карьеру в армии, церкви или в юриспруденции. Джордж Рэдфорд, сын младшего сына герцога, выбрал стать барристером*. В своем деле он преуспел, к тому же был счастливо женат.

Наблюдения подсказывали Оливеру, что у прочих Рэдфордов мозги с горошину, а их семейная жизнь являет собой антитезу семейного счастья его родителей.

Да, этот десятилетний мальчик знал слово «антитеза». Еще одна причина его возненавидеть.

Впрочем, и других причин хватало.

---

* Барристер — в Великобритании адвокат высшей категории, допущенный к ведению судебных дел. Название происходит от слова «bar» (стойка), огороженное место для адвоката в зале суда. До наших дней барристеры выступают в суде в традиционных мантиях и париках. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Неудивительно, что тебя пугает юриспруденция, — ответил Оливер. — Во-первых, там требуется знать латынь, а ты и по-английски-то объясняешься с трудом. Во-вторых...

Бернард слегка толкнул его в плечо.

— Слушай, Ворон, если я был на твоём месте — придержал бы язык! Если, конечно, не хочешь нам рассказать какую интересную историю!

— Во-первых, «был бы» на моём месте, — невозмутимо поправил Оливер. — Поскольку ты, очевидно, не там, здесь требуется условная частица «бы». Во-вторых, «какую-нибудь»: частица «нибудь» передает неопределенность...

Бернард толкнул его посильнее.

— Да что с ним попусту болтать! — объявил он собравшейся вокруг компании, среди которой было еще несколько их кузенов. — Видите же, никаких манер! Совсем не умеет себя вести в приличном обществе. А все из-за его мамы. Сами знаете, что она за штучка! Хотя об этом и говорить-то неприлично.

Брак Джорджа Рэдфорда вызвал в обществе немало толков; в возрасте пятидесяти лет он женился на разведенной. Но Оливеру было плевать на то, что об этом думают. Отправляя его в Итон, отец предупреждал не только о том, что там придется нелегко, но и о малоприятных родственниках, которых Оливер там встретит.

— Ты сам себе противоречишь, — ответил Оливер. — Опять.

— Что ты несешь, мелкая шмакодявка? Где это я... противно-речу?

— «Об этом говорить неприлично» — а сам как раз об этом и говоришь.

— А тебе, Ворон, видно, не по вкусу, когда поминают твою мамашу?

— Отнюдь, — ответил Оливер. — По крайней мере, матушка сумела выпустить меня в мир, не повредив мне мозг. А вот твои мозги, судя по всему, при родах получили тяжелые повреждения.

Бернард схватил Оливера за грудки и швырнул наземь.

Книга выпала у Оливера из рук, в ушах зазвенело, сердце отчаянно заколотилось. К горлу подступила паника. Но он отстранился от этих ощущений, словно все происходило за много миль. И не с ним. С кем-то совсем отдельным. Это его второе «я» дрожало от страха, а первое спокойно наблюдало со стороны.

Паника улеглась, мир снова обрел равновесие, а к Оливеру вернулась способность мыслить.

— Я ошибся, — сказал он, приподнявшись на локтях.

— Так-то лучше! — отозвался Бернад. — И пусть этот урок...

— Допустил глупейшую ошибку. Перевел «спеша себя спасти», хотя там было сказано: «стремясь себя оправдать».

Бернард открыл рот и захлопал глазами — типичное для него выражение лица.

— В «Одиссее», — терпеливо объяснил Оливер. Встал, поднял книгу, стряхнул с нее пыль. — Одиссеей напрасно пытался выручить товарищей, погибших из-за собственной глупости. Глупец пытается уничтожить то, чего не понимает, и это...

Бернард побагровел.

— Глупец?! Я тебе покажу глупца, мелкий наглый...

Он прыгнул на Оливера, и началась драка.

Для Оливера эта схватка окончилась подбитым глазом и расквашенным носом.

Не в первый раз. И не в последний. Но об этом чуть позже.

Воксхолл-Гарденз*,

Июль 1822 года

Оливер был озадачен — состояние для него очень непривычное.

Иметь дело с женщинами ему почти не приходилось. Не считая матерей. Ведь все сводные сестры Оливера уже стали матерями.

---

* Увеселительный парк с аттракционами, существовавший в лондонском пригороде Воксхолл с середины XVII века по 1859 год.

А леди Кларе, сестре графа Лонгмора, было, по ее собственным словам, восемь лет и одиннадцать месяцев.

Хотя за юными Фэрфаксами, расплодившимися в невероятном количестве, строго следили няньки и гувернантки, Клара, если верить Лонгмору, вечно ходила хвостиком за братьями. И братья — все трое — смотрели на сестру, как на какого-то забавного зверька. Или, быть может, как на диковинку: девочка среди компании мальчишек! Так же привык смотреть на нее и юный герцог Кливдон, которому отец Лонгмора приходился опекуном.

Но то, что они наметили на сегодня, было не для девочек.

Кливдон двинулся прочь, махнув рукой Лонгмору, чтобы следовал за ним. Тот кивнул и строго сказал сестренке:

— А ты с нами на лодке не поплывешь!

В ответ леди Клара пнула его в ногу. Лонгмор только расхохотался; а вот она, должно быть, ушибла пальцы — у нее задрожала нижняя губа.

И тогда, сам не понимая почему, Оливер вдруг сказал:

— Леди Клара, вы когда-нибудь видели гептаплазиесоптрон?

Лонгмор смерил его недоуменным взглядом. Но Оливер не смотрел на Лонгмора — только в обиженные глаза его сестры.

— А что это?

— Комната-калейдоскоп, — объяснил Оливер. — Зала, полная зеркал, а в них отражаются извивающиеся змеи, фонтан, пальмы, разноцветные светильники и еще множество разных вещей. Это там. — Он указал на увенчанное куполом здание с колоннадой. — Хочешь сходить посмотреть?

Пока Оливер говорил, Лонгмор незаметно ускользнул.

— Я хочу в лодку! — возразила Клара.

— Не выйдет, — ответил Оливер.

Оглянувшись, Клара увидела вдали спину своего брата, который поспешно догонял Кливдона. Снова перевела

взгляд на Оливера. Теперь в ее голубых глазах читалось обвинение.

— Твой брат решил тебя не брать, — объяснил он. — Не хочет с тобой возиться, если тебя укачает, или упадешь за борт и утонешь, или еще что-нибудь в таком роде.

— Меня никогда не укачивает! — отрезала Клара.

— Если Лонгмор сядет на весла, укачает непременно, — ответил Оливер. — Думаешь, почему я не поехал? С вашим братом не шути — не умеет он грести!

— Стихи получились! — хихикнув, сказала Клара.

— Да, стихи, — ответил он. — Так что, пошли посмотреть гептаплазиесоптрон? Кстати, готов спорить на что угодно, ты не сможешь повторить это слово. Ты ведь девчонка, а вы обычно не слишком умны.

Голубые глаза Клары полыхнули огнем.

— А вот и смогу!

— Тогда давай.

Леди Клара завела глаза к небу, сжала губы и напряглась. Мордашка у нее сейчас была до того забавная, что Оливер едва не покатылся со смеху.

Лонгмор и Кливдон поступили в Итон на год позже Оливера. К большому его удивлению, они с ним подружились. Кажется, сочли его забавным, примерно как леди Клару. Прозвали его Профессор Ворон, но скоро это прозвище сократилось до Профессора.

На Второй Ежегодный детский праздник в Воксхолле Оливер попал, потому что отец Лонгмора пригласил его присоединиться к семейной поездке, а отец Оливера сказал: сынок, не ехать нельзя. Оливер ждал тоски и скуки, однако в Воксхолле оказалось очень интересно. Чего здесь только не было! Акробаты, канатные плясуны, дрессированные собачки и обезьяны, всевозможные хитрые приборы и оптические иллюзии, а также музыка и фейерверки. Оливер ничуть не жалел о том, что не поехал кататься на лодке с остальными.

И становиться нянькой при маленькой девочке он совсем не планировал. Но леди Клара сумела удивить его не меньше прочих чудес Воксхолла. Похоже, она далеко не

глупа, хоть и трудно было такого ожидать, во-первых, от девчонки, и во-вторых, от родственницы Лонгмора. Молодого графа никто не назвал бы интеллектуалом.

Но к тому времени, когда они добрались до здания с куполом, леди Клара произнесла «гептаплазиесоптрон» без ошибок. И, что еще важнее, с большим интересом слушала объяснения Оливера об отражениях и фокусах с зеркалами.

Насладившись чудесами Дома с колоннами, Оливер с юной леди отправились к Подводной пещере. Вдоволь развлекшись и там, направились в Эрмитаж, как вдруг из-за за спины у них раздался знакомый мерзкий голос:

— И это все, на что ты способен, малыш-кузен? Да у нее же еще и сисек нет!

Отстраненно, будто это происходило с кем-то другим, Оливер ощутил, как его охватывает жар, сердце больно стучит в груди, а зрение заволакивает красная пелена, и словно издалека слышал собственный голос.

— Стой здесь, — сказал он леди Кларе.

И, твердым шагом подойдя к кузену Бернарду, двинул ему кулаком прямо в жирное брюхо.

Слой жира, как видно, оказался толще, чем он думал. Бернард только озадаченно выдохнул: «Ха-ха!» — и ударил в ответ.

Оливер не был готов к такой быстрой реакции и не успел уклониться. От удара он пошатнулся. Воспользовавшись преимуществом, Бернард бросился на него и повалил наземь, придавив своей огромной тушей.

В следующий миг он уже сидел на Оливере верхом.

Леди Клара что-то кричала, но Оливер не мог разобрать, что; все заглушал звон в ушах и чувство удушья.

Бернард расхохотался.

Пытаясь спихнуть его с себя, Оливер вдруг услышал отчаянный вопль. А в следующий миг леди Клара бросилась на Бернарда, колотя его руками и ногами. Выглядело очень забавно; на миг Оливер даже забыл о том, что задыхается.

Дальше он увидел, как она целится Бернарду в лицо, а тот заслоняется рукой, выставив локоть. Что произошло

дальше, Оливер не совсем понял; должно быть, леди Клара налетела лицом на локоть или кулак Бернарда — и рухнула на спину, прикрыв ладонью рот.

— Я ничего не сделал! — заорал, вскакивая, Бернард. И немедленно смылся.

Оливер увидел у нее на ладони кровь. Оглянулся — но Бернарда уже и след простыл. Как обычно, кузен подгадал момент, когда рядом не будет взрослых.

— Вот ублюдок! — сказал Оливер. — Трусливый ублюдок! Мог хотя бы спросить, все ли с тобой в порядке... С тобой все в порядке?

Леди Клара отняла руку ото рта. Затем ощупала большим пальцем зуб.

— Сломался? — спросила она.

И, приподняв верхнюю губу, показала зуб. На губах у нее крови не было. Должно быть, это была кровь Бернарда.

Зубки у леди Клары оказались невероятно белоснежные и ровные... кроме левого верхнего резца.

— Вот этот, спереди, раньше был немного сколот? — спросил Оливер.

Она покачала головой.

— А теперь да.

Леди Клара пожала плечами.

— Пусть этот кусочек зуба застрянет у него в руке и останется там навсегда! — пожелала она. А потом добавила шепотом: — Ублюдок! — И хихикнула.

Возможно, в этот момент Оливер в нее и влюбился.

А может быть, и нет.

Так или иначе, снова он увидел леди Клару Фэрфакс лишь много, много лет спустя.

Глава 1

В начале Уайтхолл-стрит расположен перекресток Чаринг-кросс; с севера примыкает к нему Трафальгарская площадь, где будет возведен величественный монумент в память о Трафальгарском сражении; с северной стороны площади строится здание, где будет размещена новая национальная галерея изящных искусств.

*Келвин Колтон. «Четыре года в Великобритании»,
1831—1835 годы*

*Окрестности Ковент-Гардена, Лондон
Среда, 19 августа 1835 года*

— Отвали! — закричала девушка. — Убирайся! Никуда я с тобой не пойду!

Леди Клара Фэрфакс, выйдившая из своего кабриолета*, не слышала, что ответил парень, но видела, как он, расхохотавшись, схватил Бриджет Коппи за плечо и потащил прочь от дома, куда она хотела войти. От здания, где располагалось Общество по обучению неимущих женщин на модисток.

Оставив лошадей под надежным присмотром своего «тигра»**, ее милость схватила кнут, подобрала юбки и бегом бросилась к ссорящейся паре. Ударила парня по плечу рукоятью кнута. Тот взвизгнул от боли и выкрикнул ругательство.

---

* Экипаж с откидным верхом.

** Лакей, сопровождавший хозяина или кучера в поездках.

Парень был неприятный с виду: рыжий, с грубым, изрытым оспинами лицом. На плечи накинуто дешевое, но броское пальто. Леди Клара уже знала: так одевается уличная шпана, которой изобилует этот район.

— Отойди от нее или еще получишь! — приказала леди Клара. — И чтобы больше я тебя здесь не видела! Тебе здесь делать нечего. Убирайся, пока я не позвала констебля!

Парень окинул ее наглым взглядом. Правда, эффект оказался смазан, ибо ему пришлось задрать голову: высоким ростом он не отличался, а Клара была отнюдь не миниатюрна. Опустил глаза на кнут в ее руке, перевел взгляд на шикарный кабриолет, откуда — в этом Клара не сомневалась — уже показалась ее горничная Дэвис, вооруженная зонтиком.

Ухмыльнувшись, парень пробормотал что-то вроде:

— Бей крепче, коли хочешь, чтобы я что-то почувствовал!

Но дожидаться, пока Клара последует его совету, не стал и, заломив свою шляпу под каким-то невероятным углом, вразвалочку зашагал прочь.

— Все хорошо? — спросила Клара.

— Да, спасибо вашей милости, — ответила Бриджет. — Не знаю уж, что ему в голову взбрело сюда заявиться. Вроде должен понимать, что таких, как он, здесь не привечают!

В Обществе по обучению неимущих женщин на модисток квартировали и учились девушки, твердо настроенные, несмотря ни на что, вести жизнь честную и благопристойную.

Обычно девушка, желающая выучиться ремеслу, идет к кому-нибудь в ученицы. Но лондонским портнихам было из кого выбирать, и в Общество по обучению модисток шли девушки, которых по тем или иным причинам отвергали — чаще всего слишком взрослые, чтобы становиться девочками на побегушках, «падшие» или носящие на себе какое-либо иное клеймо.

Общество доставало их из канавы — разумеется, если сами они хотели покинуть это уютное местечко — и делало

все возможное, чтобы научить их жить честным трудом. Любая девушка, даже без особых дарований — было бы усердие и хорошее зрение — могла научиться шить быстро, прямо, мелкими стежками и пойти в швеи. Некоторые проявляли талант и становились, например, вышивальщицами: работали с шелком, муслином, шерстью, льняными тканями, а также со всевозможными сочетаниями этих материй. Некоторым удавалось даже достичь вершин мастерства — стать успешными шляпницами или модистками.

Бриджет было пятнадцать. Прежде она торговала цветами на улице, но дела шли не слишком успешно. Она отказывалась от покровительства различных сводников, и потому она, несколько раз избитая и обобранная, наконец оказалась на пороге Общества. Бриджет не умела ни читать, ни писать, однако прилежно училась, и скоро у нее обнаружился талант к вышиванию. Ее работы обращали на себя внимание везде, где Общество выставяло труды своих учениц.

Увы, вне Общества не меньше внимания привлекала ее внешность.

— Могу вам сказать, что ему в голову взбрело, — ответила Клара. — Он заметил, что вы хорошенькая, подумал то, что обычно думают мужчины, глядя на хорошеньких девушек, а ни о чем другом уже и не вспоминал.

Леди Клара Фэрфакс говорила со знанием дела. Вчера ей исполнилось двадцать два, и уже несколько лет она пользовалась славой первой красавицы и самой завидной невесты в Лондоне, а быть может, и во всей Англии.

*Малая гостиная в особняке Уорфорд-хаус
Понедельник, 31 августа 1835 года*

Нет, Клара не выбежала с воплями из комнаты. Истинная леди вообще ниоткуда не выбегает с воплями, если ее жизни не угрожает явная опасность.

А Клара всего лишь получила очередное брачное предложение.